

КРАСНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1

Я Н В А Р Ъ



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

Между тем дела по нашему журналу «Россия» шли плохо. Подписчиков было мало, а дело двигалось к декабрю — к новому подписному году. Как оживить подписку, что сделать? Этот вопрос стоял во главе угла и перед «самим», и перед секретарем, и перед художниками.

В конце концов помимо соблазнительного (невыполненного) объявления в газетах о том, что вот, мол, в следующем году к журналу будут даны такие-то и такие-то приложения, решили обратиться к Антону Павловичу Чехову и ко Льву Николаевичу Толстому с просьбой, не дадут ли, мол, по рассказу.

Мысль эта пришла в голову первому художнику Клангу и очень полюбилась «самому».

— Отлично! — воскликнул он. — Вот это идея! И как я до этого не додумался? Конечно, пригласим Толстого. Я напишу ему письмо и убежден, что он не откажется сотрудничать в моем журнале, в котором наверно уже прочел мою статью «На поклон к искусству».

— Живет-то он далеко, — сказал Кланг. — По почте пошлете письмо?

— По почте может пропасть. Опасно! Надо с нарочным. Пошлем кого-нибудь.

— А кого послать?

— А вот кого! — он указал на меня. — Он поедет.

Я испугался.

— Помилуйте! — воскликнул я. — Куда мне ехать? Как я к нему явлюсь? Что буду говорить? Ей-богу умру от одного его вида со страху!

— Вздор, вздор! Ваше дело передать письмо и больше, ничего. Послать кроме вас некого.

— Ну, а к Чехову Антону Павлычу кого же откомандируем? — спросил опять Кланг. — Он же пусть и к Чехову. Так и будем гонять его по великим людям. Пусть привыкает.

— Конечно, — согласился «сам», — а где Чехов живет?

— Живет он на Садовой-Кудринской, против Вдовьего дома. Знаешь? — обратившись ко мне, спросил Кланг. — Увидишь, — продолжал он с насмешкой в голосе, — красненький такой домик. Да найдешь, впрочем! У дворника спросишь. Он с братом живет. Брат — художник.

— Ты и съездил бы к нему, — сказал я.

— Мне нельзя. Неловко по одному дельцу. Да ты не бойся. Он малый простецкий. Спроси, если даст рассказ строк хотя бы во сто, какую цену назначит.

— Ладно! — согласился я. — Съезжу. Узнаю.

Антон Павлович Чехов в те времена жил на Садовой-Кудринской против тогдашнего огромного здания Вдовьего дома.

О трамваях тогда и слуху не было. Ходили конки.

Мне надо было сперва побывать у Сухаревки, а уже оттуда я сел на конку и поехал в Кудрино. Ехал наверху за три копейки. Сидеть наверху, куда вела снизу винтовая лестница, в хорошую погоду было весело. Видно далеко — и вперед, и назад, и по сторонам. По ровному месту, под гору ездили вагон только две лошади, а где приходилось подниматься на пригорок, как например с Самотеки от Екатерининского парка в гору к Каретному ряду, — пристегивали другую пару лошадей, и на одной из них сидел верхом мальчишка «фаретор», обязанность которого заключалась в том, чтобы орать во всю глотку и нещадно нахлестывать кнутом лошадей — ту, на которой сидел, и другую рядом с ней. С треском, звоном, криком вагон втаскивался в гору. Здесь передняя пара отстегивалась. «Фаретор» вел лошадей опять вниз под гору, и вагон трогался дальше.

Дом, в котором жил Чехов, я разыскал без труда, а как попал в этот дом, как нашел квартиру Чехова, как вошел в нее — забыл. Помню уже себя сидящим в квартире, где-то внизу. Помню окно, у окна сидит и рыщет, как после узналось, брат Чехова. Самого же Антона Павловича нет, а я жду его и знаю (а кто мне сказал об этом, не припомню, скорее всего художник), что он должен сойти сюда ко мне сверху по лестнице.

Жду. Слышу торопливые шаги. Топанье по лестнице. Тук, тук, тук! Вот и он. Среднего роста, худощавый, с черной бородкой, как мне тогда показалось, ловкий, веселый, подвижной человек.

— Здравствуйте! — говорю я.

— Мое почтение, — отвечает он. — Что скажете хорошенького? Садитесь пожалуйста!

Я сел. Он сел напротив и, улыбнувшись и не спуская с меня глаз, опять повторил:

— Что скажете хорошенького?

Я, как умел, начал объяснять, в чем дело, зачем пришел и от кого.

— Знаю я этот журнал. Знаю, — повторил он, и в его голосе мне показалась насмешка. — Знаю! — в третий раз повторил он. — Я подумаю. Уверять не хочу, а возможно, что дам в журнал что-нибудь. Подождите. Я в настоящее время очень занят. Тогда я вам сообщу. Редакция, кажется, если не ошибаюсь, на Солянке?

— Да.

— Я тогда извещу. Дам знать.

И вдруг спросил:

— Водочки не выпьете?..

— Нет. Спасибо, — сказал я.

— Не пьете?

— Пью.

— Гм-м! А вы, простите, тоже пописываете?

Я не ответил на его вопрос и стал прощаться.

— Да вы посидите еще! — задерживая мою руку и не спуская с меня пытливых глаз, сказал он.

Я простился и вышел.

«Сам», когда я передал ему, что сказал Чехов, рассердился, засопел носом и, пройдя по комнате, остановился передо мной, ударил себя левой рукой в грудь и воскликнул:

— Не-е надо! Я один сумею поставить журнал на ноги! Я-я!!

Я было, признаться, обрадовался, думая, что теперь вопрос о Толстом отпал, но ошибся. «Сам» принялся сочинять письмо. Казалось бы, что сделать это нехитрое дело легко, но... но письмо сочинялось, писалось, переписывалось недели две, если не больше... «Сам» вошел, как говорится, во вкус, забросил другие дела и занялся исключительно письмом.

Я «очумел», по словам Кланга, переписывая сто раз это письмо. И тот, к кому оно писалось, — Л. Н. Толстой стал сниться мне в каких-то кошмарных снах.

— Я бы на твоём месте запил, — говорил мне, посмеиваясь, все тот же Кланг. — Толстой «Войну и мир» скорей написал, чем вы письмо

к нему. Выходит ли хотя что-нибудь путное-то? Ты вот что, брат, поедешь с этим письмом к Толстому, проси у него письменного ответа на это письмо. Дать-то он нам в наш журнал, ясное дело, ничего не даст. Так ты постарайся, письмо от него привези. Мы этим письмом и то поднимем подписку. Поставим в объявление вот эдакими буквами, что в будущем году в первом номере журнала «Россия» будет помещено интересное, имеющее общественное значение, художественно написанное, большое письмо к издателю журнала от яснополянского мудреца-философа и великого писателя земли русской, графа Толстого. Это, брат, тебе не бычок накакал. И, между прочим, кстати уж пристегнем, что и глубокоуважаемый Антон Павлыч Чехов дал честное слово прислать для журнала свой новый большой рассказ, который будет помещен в первом номере журнала. Поэта бы еще какого-нибудь обработать не худо бы. Надсона бы что ли. Аль он помер уж? Цензура проклятая не пропустит, а то бы пустить объявление, что будут даны найденные случайно в склепе записки монаха пустынника и затворника отца Варсанофия, умершего в конце пятнадцатого века, в коих записана его борьба с бесом, являвшимся ему во образе девы. Здорово бы это было, ей-богу! Тебя еще, знаешь что, нехудо бы откомандировать к Илье Репину. Не даст ли нам в журнал какой-нибудь рисунок. А не даст — наплевать! Письмо от него тащи. Мы письмо используем! Не худо бы тебя наладить еще и к отцу Иоанну Кронштадтскому. От него бы письмо взять. Погоди, я «самому» посоветую это сделать.

И он действительно «посоветовал» «самому» насчет Иоанна Кронштадтского. Наговорил ему о том, какой шум произведет повсюду и какая начнется подписка, если появится в объявлении, что у нас в журнале будут одновременно помещены письма от Толстого и отца Иоанна Кронштадтского. Шум произойдет! Фурор! На всю Европу прославимся.

«Самому» эта мысль понравилась, и если бы не произошел один случай, о котором расскажу после, то, пожалуй, пришлось бы мне ехать к попу, слышшему тогда за святого чудотворца.

Письмо к Толстому в конце концов было закончено, переписано набело и осталось только дело за тем, чтобы передать его его сиятельству.

— Завтра же и поезжайте, — сказал «сам». — Чем скорее, тем лучше. Куй железо, пока горячо.

Мне не хотелось ехать. Я заранее, ничего не видя, от одной только мысли, как явлюсь к этому прославленному графу, как буду отвечать на его вопросы, чувствовал себя нехорошо. Что же будет там, в Ясной Поляне?

Вечером, накануне моего путешествия, к «самому» собрались гости и свои служащие, кто поважнее. Почти все завидовали мне, находя, что на мою долю выпало большое счастье, потому что:

— Кого увидеть! С кем говорить-то придется! Толстой ведь. Подумать только!